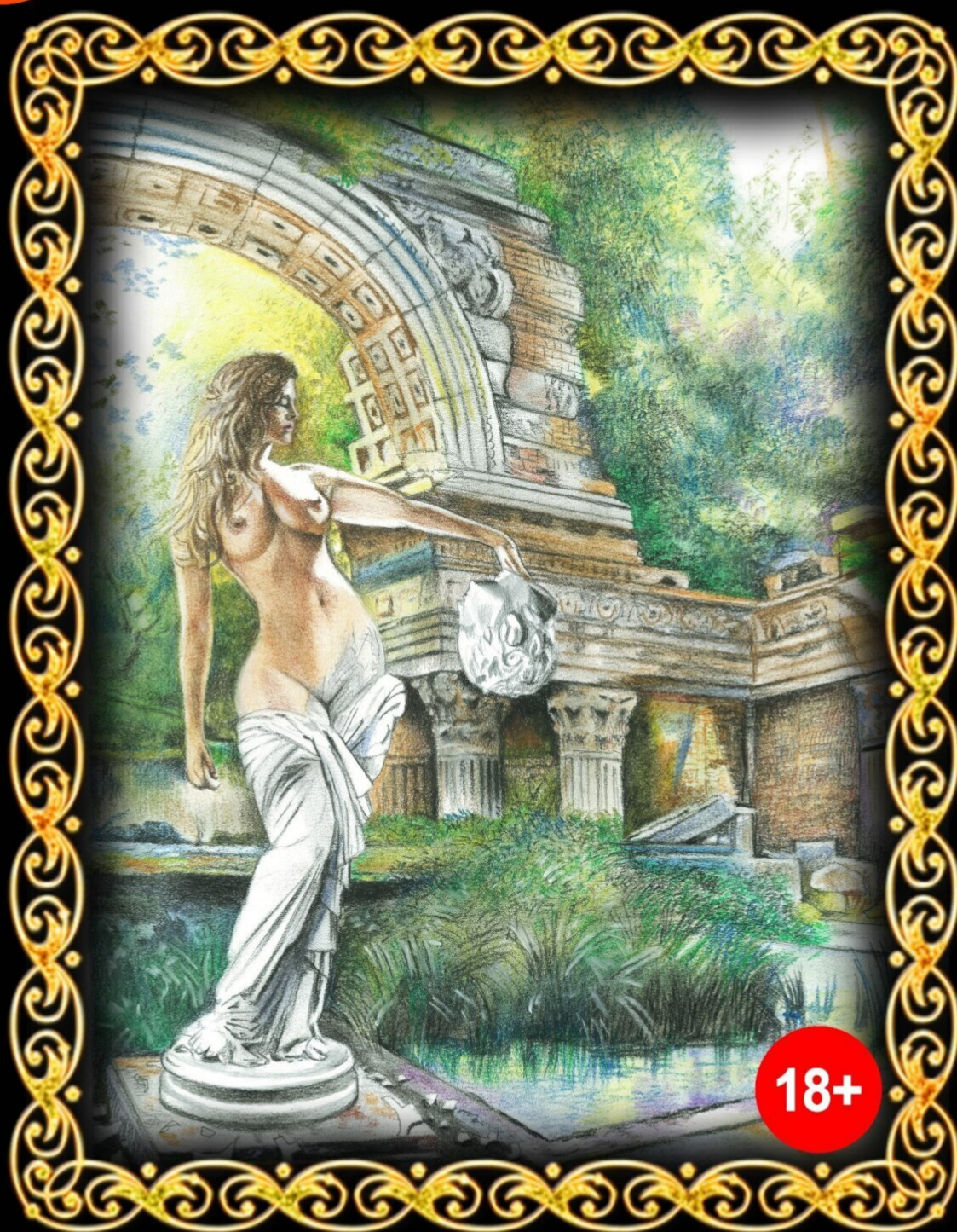

ЛАНА ЛАНИТОВА

ФЛОРЕНТИЙСКАЯ БЛУДНИЦА

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

18+

Русский эрос

Глаша и Владимир

Лана Ланитова

Флорентийская блудница

«Автор»

2023

Ланитова Л.

Флорентийская блудница / Л. Ланитова — «Автор»,
2023 — (Глаша и Владимир)

«Флорентийская блудница» - это седьмой роман из эротико-инфернальной серии о «Глаше и Владимире». Начало серии можно прочитать в романах «Глаша», «Царство прелюбодеев», «Блуждание во снах», «Михайловская дева», «Глаша 2» и «Тьма египетская». В новом романе автор продолжает свой рассказ о диковинных приключениях главного героя, сердцеда и сластолюбца, дворянина Владимира Махнева в «Царстве прелюбодеев». Но, помимо этого, мы с вами ненадолго заглянем в жизнь нашей любимой героини Глаши и выясним, как на ней отразилось её близкое знакомство с демоном по имени Виктор. Читая этот роман, вы вновь окунетесь в водоворот чувственных и таинственных приключений героев нашего удивительного романа. Вас ждёт путешествие Владимира во Флоренцию 17 века. Похоть, страх и мистические тайны сопровождают наших героев и в этих приключениях. Книга изобилует откровенными эротическими сценами и содержит ненормативную лексику. Категорически не рекомендуется юным читателям в возрасте до 18 лет.

© Ланитова Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лана Ланитова

Флорентийская блудница

„От скульптуры мы вправе требовать как минимум одного – чтоб она не шевелилась».

Сальвадор Дали

«Я беру камень и отсекаю всё лишнее».

Микеланджело Буонарроти

«Лунный свет – это скульптура».

Натаниэль Готорн

Глава 1

Варнавинский уезд Костромской губернии. Имение отставного майора Мельникова.

Остаток ночи прошёл без сновидений. Когда она открыла глаза, за окном уже светало. Тусклое зимнее солнце, словно далёкая лампада, скупое подсвечивало разрисованное узорами стекло. Лиловый свет, струящийся от окна, таял за сеткой голландского тюля. Она зевнула. Из детской доносились приглушенные голоса мальчиков. Пахло пшенной кашей, кипяченым молоком и свежей сдобой.

– Мама! Я хочу к маме, – услышала она из-за неплотно прикрытой двери.

– Тише, Сашенька. Не кричите, вы разбудите маменьку. Она еще почивает, – тихий голос няни испуганно вразумлял её среднего сына. – Пойдемте, я лучше почитаю вам книжку.

– Не хочу! – настырничал малыш. – Я хочу к маме.

– Наташа, я уже проснулась, – отозвалась Глафира.

В дверном проеме показалась гладко причесанная, глянцева голова няни.

– Вы проснулись, Глафира Сергеевна? – с улыбкой поинтересовалась Наташа. – Я не пускаю Сашеньку, а он не слушает, балуется. Просится к вам.

Черноволосая и румяная Наташа служила у Мельниковых горничной. Она неплохо знала грамоту, и потому была допущена до воспитания детей, как няня.

– Пусти его, – отвечала Глаша. – Я сейчас встану. А где Сергей Юрьевич?

– Они уехали с утра по каким-то делам.

– Ах, да. Он что-то говорил о встрече со старостой из Смирновки, – рассеяно вспоминала Глаша.

– Да, они позавтракали и велели мне вас не будить. Я забрала детей. Мы уже все умылись, оделись и покушали. Даже Юрочка съел всю кашу. А теперь мы играем в детской и читаем книжки.

– Молодцы, – улыбнулась Глафира. – А Ольга Александровна еще не приехала?

– Нет пока, – смущенно отвечала Наташа.

Из-за широкой няниной юбки выскочил радостный Саша и пулей подлетел к матери. Маленькие ладошки ухватились за кружевную простыню. Малыш подтянулся и вскарабкался на постель Глафиры. Словно котенок, он юркнул под теплое одеяло. Тонкие ручки обвили мать за шею.

– Маменька, я так соскучился, – ласкался сын.

– Когда же ты успел? – Глаша нежно чмокала Сашеньку в упругие щеки, от которых всё еще пахло кашей. Пальцы путались в русых колечках, покрывающих мальчишескую макушку. – Да, ты мой воробышек, – сладко шептала она.

Через пару минут входные двери распахнулись, и в спальню вбежал старший сын и тоже бросился на кровать. Вслед за ним в комнату смущенно вошла и сама Наташа, держа на руках младшего.

– Ах, вы мои котятка, – Глашины глаза лучились в потоке материнской любви. – Идите все ко мне.

Она целовала своих вихрастых русоголовых мальчишек, тискала их и прижимала к себе. После всех этих нежных объятий и милых сердцу сюсюканий, первым ускользал старший Юрочка. Он вдруг вспоминал, что в детской его ждет целая гвардия лихих оловянных солдатиков во главе с одноногим генералом. Вторым срывался средний Александр. Он торопился к рисункам и книжкам. И только маленький Пётр, отстранившись от Глафиры, долго и пронзительно всматривался в синие материнские глаза. Она не выдерживала этого взрослого взгляда и, притянув малыша к себе, говорила:

– Не смотри так, Петенька, на свою маму. Ты такой у меня большой и серьезный. Когда вырастешь, то верно будешь каким-то важным начальником.

В ответ малыш хохотал и опускал большелобую головенку.

Через четверть часа она вновь лежала одна и смотрела на просветлевшее морозное окно. За белым пологом тихо падал снег.

«А что же мне сегодня снилось?» – рассеянно думала она.

Вставать вовсе не хотелось. Начинающийся день казался вполне себе привычным, если бы не одно «но». Было нечто такое, что непонятным образом тревожило её душу. Да, этот день начался, как обычно. Со знакомых звуков и запахов, с нежных объятий детей, с голосов прислуги в коридоре. И все же – что-то было не так. Но что? Она не понимала. Может, ей приснилось что-то страшное. А под утро она заспалась и забыла ночной кошмар. Но нет, то, что вызывало тревогу, не помнилось ею, словно кошмар.

Ей смутно казалось, что то, что случилось этой ночью, вовсе не походило на сон. И это НЕЧТО было столь ярким, прекрасным и вместе с тем тревожным, что в груди стало горячее, а все предметы в комнате вдруг превратились в нечто зыбкое, утратив чёткие очертания. Внезапно растаял шкаф, стол и большое трюмо. Исчез и теплый ковер с пола. И сам пол вдруг стал гладким и блестящим, похожим на белый мрамор. Она испуганно взирала на эти метаморфозы. Белый, глянцевый, словно чистый лед на реке, мраморный пол озарился всполохами мерцающих огней. Сонмище огненных брызг засияло и запрыгало перед глазами. Она посмотрела на потолок собственной спальни, но вместо него увидела массивную люстру, украшенную тысячами хрустальных цветов. Глафира опустила ноги на пол. Ногам стало прохладно. Кровать осталась позади. Вдалеке послышались чарующие звуки знакомой мелодии. А небольшая спальня казалась теперь огромным залом. Она качалась посередине этого зала, словно маленькая песчинка в бескрайнем световом пространстве. Сквозь музыку она услышала стук твердых мужских шагов. Она всмотрелась в зыбкую и блистающую огнями даль и увидела темный силуэт.

Музыка стала громче, а звуки прекрасной Шопеновской мелодии стали множиться гулким и прерывистым эхом. Стройная гармония ноктюрна разлетелась на отдельные фрагменты. Глафира ощутила внезапную слабость. Тело окутало теплое облако, и она ухнулась в него, словно в мягкую пуховую перину.

Сколько её не было в этой реальности, она не помнила. Среди осколков пустоты появилось нечто незримое, коснувшееся пальцев ее руки. Она вздрогнула и проснулась.

И вновь очутилась в своей комнате. Сияющее белое пространство исчезло. Вместе с ним пропала и музыка Шопена и яркие всполохи огня на беломраморном полу.

– Что это было? – прошептала она. – Я снова уснула?

Какое-то время она лежала неподвижно, глядя в белый потолок. Надо было вставать. Глафира медленно поднялась. Поверх тонкой сорочки она накинула шелковый пеньюар.

В коридоре раздались шаги. В дверь постучали.

– Войдите, – отозвалась Глафира.

– Барышня, вам принести завтрак в спальню? – поинтересовалась вторая горничная.

– Не надо, Руся. Я сейчас умоюсь и приду в столовую. Минут через десять накрывай.

– Хорошо, – улыбнулась девушка.

«Детей не слышно. Наверное, Ольга Александровна уже подъехала и занимается с ними», – подумала Глафира.

Ольга Александровна была новой гувернанткой, нанятой Сергеем для воспитания мальчиков. Она вслух читала им иностранные книги и разговаривала на трёх языках, а так же музицировала и пела детские песни.

Глафира зашла в уборную и посмотрела на собственное отражение в зеркале. Густые русые волосы небрежными прядями падали на мягкие плечи, лицо немного розовело ото сна.

Она провела ладонями по волосам и стала их расчесывать черепаховым гребнем. Привычным движением пальцы заплели мягкую косу. Теперь она пристально рассматривала свою высокую и пышную грудь. В зеркале отражался тонкий батист кружевной сорочки, из-под которого проступали торчащие соски, нежная талия, голый живот и темный мысок над сомкнутыми ногами.

– Боже, как стыдно, – вдруг прошептала она. – Сквозь эту сорочку видно всё. Я в ней, словно голая. Зря я пошла у него на поводу и не надела платье.

И тут у неё вновь закружилась голова. Она схватилась за умывальный столик.

– О чём это я?

Глаша инстинктивно прикрыла грудь руками и крепко зажмурила глаза. А когда открыла их, то вместо собственного отражения, она увидела в зеркале хоровод свечных огней, бело-мраморный зал и темную фигуру мужчины, одетого во фрак. Мужчина не шел, а летел навстречу к ней. В этот самый миг уборная вновь наполнилась звуками Шопеновской мелодии. Теперь она видела не только его высокий силуэт. Вместо собственного отражения зеркало показало ЕГО лицо. Оно было прекрасно. Она вспомнила свой сон. И тут же, схватившись за сердце, вскрикнула. Вскрикнула и проснулась. Она вновь лежала на собственной кровати, одетая в пеньюар, с заплетенными в косу волосами.

– Что со мной? Мне всё это снится? Я всё еще сплю?

В теле ощущалась непривычная лёгкость. Через пару минут она была уже в просторной и светлой столовой. За окном всё так же шёл снег. В камине уютно потрескивали дрова. Детей не было слышно. По-видимому, они были на утренних занятиях. Горничная подала Глафире чашечку кофе и соломенную хлебницу, полную теплых булок. Рядом с выпечкой стояла маслёнка, в которой томились желтоватые, покрытые испариной, шарики свежего масла.

– Глафира Сергеевна, сегодня Малаша сварила вкусную пшеничную кашу на топленом молоке. Принести?

– Неси, Русенька. Есть ужасно хочется, – рассмеялась Глафира.

Пока горничная, мелькнув синим форменным платьем, унеслась на кухню, Глафира взяла в руки серебряный нож и, ухватив теплую маковую булочку, надрезала ее сбоку. А после желтый лепесток свежего масла лег в хрустящее ложе и стал медленно и сладко таять. Глафира надкусила булку и зажмурилась от удовольствия. Ароматный кофе приятно согревал губы.

«Какой необычный запах у сегодняшнего кофе, – вдруг подумала она. – Он отчего-то пахнет лавандой...»

Взгляд скользнул от белоснежной чашки к середине стола. И в этот момент Глафира выронила из рук булку. Со звоном упал и серебряный нож.

Что это? Откуда?

Посередине обеденного стола красовалась старая китайская ваза, полная свежих цветов лаванды.

– Откуда это? – прошептала Глафира. – Может, это Сережа купил?

Она уставилась на роскошные лиловые соцветия, источающие неземной аромат. Центральные стебли выглядели темно-синими, почти кобальтового оттенка, а те, что расходились от середины великолепным веером, казались слегка бирюзовыми и аквамариновыми. Но были здесь и ветки абсолютно белой лаванды. Все цветы этого странного букета переливались и горели легкими искрами. А может, это пламя камина делало их такими волшебными. Несколько бирюзовых лепестков упали на белоснежную скатерть и походили на драгоценные камни.

Забыв о кофе и теплой булочке, Глафира соскочила со стула и, обогнув стол, приблизилась к букету. Она посмотрела на него сверху, нагнулась и понюхала. Летний аромат оказался слишком ярким и живым.

– Руся, откуда здесь лаванда?! – крикнула она горничной.

Ей никто не отвечал.

– Руся, ты слышишь меня? Когда Сережа его принес?

«Как же это странно, – голове стало жарко. От волнения задрожали пальцы. – Но где он взял этот букет? Где купил, здесь, в нашей сельской глуши? Зимой? И такие свежие... Кажется, что их только что срезали».

Пальцы вновь прикоснулись к прохладным соцветиям. От каждого её касания хрупкие цветы опадали на скатерть. Она присела на стул и притянула букет ближе. И вновь к ней прямо в ладони посыпались лиловые и белые цветы. В этот момент ей почудилось, что свет в комнате померк, а звуки стали длиннее и глуше. Где-то вновь заиграла музыка. Теперь это был Бетховен. Во все глаза она смотрела на лаванду. Ладони вспотели. Казалось, что пальцы теперь сжимают не мягкие бутоны, а что-то твёрдое и острое. Она с трудом разжала кулачки...

Вместо лепестков в ладонях искрились россыпи драгоценных камней. Такие же камни были щедро разбросаны и по крахмальной скатерти. Здесь были синие сапфиры, лиловые александриты, голубые топазы, бирюза, небесные турмалины, аметисты и огромные и чистые диаманты.

– Руся! – вновь крикнула она, но даже сама не услышала собственного голоса.

Она зажмурила глаза, а когда открыла их, то на столе уже ничего не было. Ни камней, ни цветов, ни вазы. А в комнату входила раскрасневшаяся Руся с глиняным горшочком, от которого вкусно пахло кашей.

– Вот, Глафира Сергеевна. Она еще горячая. Садитесь, я вам положу, – тараторила горничная.

– Спасибо, Русенька, – медленно произнесла Глафира. – Я, вроде, уже и не хочу.

– Ни за что, барышня, не потерплю отказа, – расстроилась прислуга. – Да и Малаша обидится, если вы даже не попробуете.

– Ну, хорошо, положи немного.

Заботливая горничная накладывала Глафире вкусную, чуть желтоватую кашу, от которой шел теплый сливочный аромат топленого в печи молока.

– Русенька, скажи, – Глаша на миг запнулась. – А лаванда тут стояла?

– Какая, барышня, лаванда?

– Это цветы такие. Они во Франции растут.

– Да, нет, – удивленно отвечала горничная. – Отродясь у нас здесь лаванды не было. Мы же не Франция. У нас здесь свои цветы – ромашки, васильки, маки. Да и в саду у вас розы летом растут. И георгины славные. А лаванду я не знаю. А какая она?

– Скажи, здесь с утра вообще не было на столе цветов?

– Не было, барышня. Сейчас зима. Какие уж цветы. Летом будут цветы. А у нас скоро ёлка здесь будет. Вам, верно, приснились они.

– Наверное, – задумчиво повторила Глафира и принялась медленно есть кашу.

* * *

После завтрака она вернулась в свою комнату. И присела возле окна. Тревога не покидала её сердце.

«Где же Сергей? Отчего же он так долго не едет? – рассеянно думала она. – Может, он знает о том, что за лаванда мне примерещилась. Хотя, кого ты обманываешь? Ты много раз видела эти цветы, когда была во снах с Володей. Там, где он сейчас живет, много таких цветов... Целые поля лаванды, под огромной луной. Володя, где же ты, любимый? Но помимо Володи, там есть и другой мужчина. Я тоже помню о нём. Он намного старше и сильнее Володи. Но как его зовут? Отчего я не помню его имени?»

Она встала и прошлась по спальне.

«Он – часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо... Господи, спаси и сохрани меня, грешную».

Глафира бросилась к образам и, встав на колени, принялась истово молиться.

«Какими словами я могу передать те чувства, которые ныне владеют мною, – рассуждала она, забыв на время слова молитвы. – Это и страх, и предчувствие опасности, и осознание греха. Да, да... Вновь это чувство собственной порочности. И в то же время – я ощущаю на душе нечто, так похожее на восторг и неземную радость. Это как предвкушение праздника или ожидание фейерверка на новогоднюю ночь. Это как любовное томление в груди. Это – смесь гибели и восторга. Но, что со мной?»

Глафира встала с колен и машинально опустила руку в карман пеньюара. Пальцы нащупали что-то мелкое и твердое. Она достала из кармана три камня – один чистокровный бриллиант и два сапфира.

«Значит, это мне вовсе не приснилось. Это всё правда...»

Чем дольше она рассматривала сверкающие гранями самоцветы, тем четче понимала, что не станет говорить об этом с Сергеем.

* * *

Муж вернулся после обеда.

– Как ты, моя королева? – с улыбкой произнес он и поцеловал ей руку. – Я с мороза. Сейчас отогреюсь немного и обниму тебя.

– Отчего ты так долго? – тихо спросила она.

– Этот прохвост Латышев долго пытался меня морочить. Подделал записи в амбарных книгах. Списал все недоимки за прошлый год. Мне пришлось привлекать толкового ревизора. Ох, и намаялся я с ними.

– Иди, поешь. Малаша приготовила вкусный борщ и биточки. Пирог еще вчерашний тоже хорош.

– Да, я голоден как волк. А мальчишки где?

– Их уложили спать. Ольга Александровна к ним строга. Теперь у них режим.

– А вот это хорошо. Этому я рад. Иди ко мне, – он обнял ее за талию холодными руками и притянул к себе.

Пока Сергей обедал, он просматривал свежие газеты, а Глафира сидела напротив за столом и с грустью смотрела в окно.

– Может, ты хоть чаю попьешь вместе со мною? – спросил её Сергей.

– Нет, я уже обедала и есть не хочу.

– Какая-то ты грустная сегодня...

– Голова немного болит.

– Я ранним утром заглядывал к тебе в спальню. Ты что-то бормотала во сне и металась по подушке. Тебе что-нибудь снилось?

– Я не помню, – ответила она и, покраснев, отвернулась к окну, за которым занимались сумерки.

– Какие нынче короткие дни, – произнес он. – Не грусти, *ma belle*. [Je t'aime](#)¹.

– Oh, *chéri*, [je t'aime aussi](#)².

---

¹ Я тебя люблю. (франц.)

² Милый, я тоже тебя люблю.

* * *

Вечер прошел незаметно. Сергей работал в своём кабинете, разбирая огромные амбарные книги и сверяя записи нерадивого приказчика. Глафира сидела в гостиной и делала вид, что читает французский роман. Роман казался невыносимо длинным и скучным. А после она была в детской. И сама не заметила, как за окном наступила темнота. Снегопад давно прошел, принеся с собою просветление в небе и легкий мороз. Нетронутый снег загороженного сада и большой лужайки заливал яркий лунный свет.

Лик прекрасной Селены щедро расплескал по земле мертвенное и таинственное сияние. Глаша подошла к окну. Тёплые пальцы коснулись ледяного стекла. Упершись лбом, она долго смотрела на снежную поляну, залитую холодным светом. В груди ныло от невероятной тоски. Она и сама не понимала, отчего ей нынче так грустно и тревожно на душе. Она всё смотрела и смотрела на девственный снег.

«А где же мои следы? – внезапно подумала она. – Они ведь там были... И тапочки. Я же потеряла их на дорожке...»

Воспоминания острой вспышкой пронесли в голове. Она вспомнила, как каменная стена растаяла прямо на глазах, и сама Глафира прошла сквозь широкий проем, ведущий ее в зимний сад. Она следовала за ним по пятам в сладостном томлении. А он держал ее крепко за руку и уверенно вёл за собою. ОН! Ни один человек на этой земле никогда не держал ее ТАК за руку. СИЛЬНО и ВЛАСТНО. Но в этой силе было столько покоя и её полного доверия. Как она могла – оставить мужа и детей и вот так, среди ночи, с радостью побежать за ним?

«Господи, – она с волнением отпрянула от окна. Сердце билось так тревожно, словно тот счастливый миг мог наступить снова. В эту самую минуту. – Господи, кажется, я всё вспомнила...»

Она бессильно опустилась в кресло.

«Как ты могла? – вновь думала она. – Зачем ты лжешь самой себе? Скажи иначе – разве ты могла ЕМУ отказать? Разве есть в тебе силы, способные удержаться от его зова? Устоять перед ЕГО приглашением? Нет, если бы он позвал тебя заново, то ты вновь бы с радостью отдала ЕМУ свою руку. Чтобы он вел тебя куда угодно. Ты бы не просто шла, ты бы бежала за ним хоть на край света. В любой уголок Вселенной. Да, что там руку! Ты без колебаний отдашь ему и собственную бессмертную душу. Что есть твоя жизнь против той, на которую он дал тебе взглянуть лишь одним взглядом? И ОН – не Володя. Он – и Володя и нечто большее, чем Володя. В нём всё. В нём сам Космос. В нём – сам БОГ. Её – БОГ...»

Белая поляна за окном, освещенная холодным лунным светом, вдруг пришла в зыбкое движение. Чем дальше она всматривалась в искрящийся снег, тем четче понимала, что это вовсе не снег, а целое поле холодных белых тюльпанов. Они поворачивали к ней свои прекрасные бутоны и, казалось, звали её за собой. В эти минуты ей мерещилось, что она вновь слышит мелодию. Чарующую и безумно печальную мелодию, с которой её впервые познакомил демон. Мелодия еще одного земного гения, столь любимого Виктором. Она даже вспомнила его имя – его звали Томазо Альбинони. Именно эту музыку она слышала вокруг себя. Ей чудилось, что эта музыка доносится из холодного тёмного неба, освещенного яркими звездами. Она слушала и слушала эти прекрасные звуки, и её сердцем овладевала безумная печаль.

Если бы ее спросил кто-то: «Отчего же ты грустишь? Чего тебе не хватает?» Она не смогла бы передать словами и объяснить всей сути той тоски, что незаметно прокралась в её сердце. Она вошла в него вместе с лунным светом и вместе с Адажио гениального Альбинони. Глафира стояла возле окна и украдкой смахивала со щеки горячие слезы. В какой-то момент, когда мелодия усилилась, Глафира затрепетала и издала такой сильный вздох, что само стекло и все пространство за окном вместе с лунным светом и белым от снега полем, расколосось

на мелкие осколки, а сильный вихрь, ворвавшийся с улицы, подхватил ее словно пушинку, и понес в неведомую бездну.

Очнулась она среди ночи в своей кровати. Рядом с ней сидела горничная Руся и дремала. На тумбе горело несколько свечей. А возле Глаши стоял таз с мокрыми тряпками. Одна из тряпок, пахнувшая уксусом, лежала у нее на лбу. Глаша сморщила от отвращения нос и стянула тряпку со лба.

– Что со мной?

– Ох, барышня, как вы нас напугали, – сонным голосом отозвалась Руся. – Вы в обморок упали в гостиной, возле окна. Я прибежала, потрогала ваш лоб, а у вас горячка. Сергей Юрьевич вызвал дохтура. Он скоро должен подъехать. Все дороги занесло. Барин ездил в Степашино. Позвал дохтура. Но тот на операции пока. А потом к нам обещался заехать.

– Да? – протянула Глафира. – Странно...

Из коридора донеслись быстрые шаги. Дверь распахнулась, и на пороге появился муж. Он с тревогой смотрел на очнувшуюся Глафиру.

– Ты проснулась, мой ангел? Как ты всех нас напугала.

– Серёженька, я ничего не помню, – отозвалась она.

– И не мудрено. У тебя, милая, был сильный жар.

– Разве?

– Руся, иди пока к себе. Отдохни, – распорядился Сергей. – Я сам посижу возле Глафиры Сергеевны.

Муж присел на край Глашиной кровати.

– Ну, что с тобой, ma chérie? – он протянул руку к ее лицу и убрал за ухо непослушную прядь русых волос.

– Не знаю... Как мальчики?

– С мальчиками всё хорошо. Они спят. Я не стал их пугать. Ольга Александровна осталась с ними на ночь.

– Как же это... Это неудобно.

– Всё хорошо. Я договорился.

– Сережа, я простудилась, наверное.

– Сейчас подъедет доктор и осмотрит тебя.

* * *

К полуночи и вправду приехал уставший после операции лекарь. Он осмотрел больную. Послушал её легкие, попросил показать язык, спросил о том, что она ела накануне. Держа за запястье, посчитал пульс.

– Решительно не нахожу ничего серьезного я у вашей супруги, – объявил он Сергею Юрьевичу, выходя с ним в коридор. – И вы утверждаете, что у неё был сильный жар?

– Да, доктор. Иначе бы я и не пригласил вас. Она вся горела, словно печка. Бредила о чём-то. И этот глубокий обморок вчерашним вечером...

– Да-с, это всё очень странно. Бредила, вы говорите?

– Да. О какой-то лаванде шептала.

– Лаванде? – доктор покачал головой.

– Я сам удивлен. У нас отродясь тут лаванда не росла. Она во Франции больше произрастает.

– Вот как? Да-с...

– Она еще кричала во сне, хохотала. Называла какие-то незнакомые мужские имена. Композиторов немецких вспоминала. Еще и итальянского. Альбинони, кажется.

– Не слышал о таком.

– И я, признаться, не слышал.

– Надо же... – задумчиво произнес доктор. – Тогда я смею предположить, что подобное состояние у вашей супруги вызвано переутомлением и слабыми нервами. Я пропишу ей для начала бромистых капель и валерианы. Оставлю рецепт. Принимайте их, пожалуйста, по часам. В среду я снова навещу вас. Если это успокоительное не поможет, тогда я назначу капли с морфием. В небольшой дозировке. Ей надо хорошенько отоспаться. И ради бога, никаких гостей и посетителей. Решительно никого. Только покой, постельный режим и тишина. Судя по всему, Глафира Сергеевна у вас дама тонкой душевной организации. С большим воображением. А у таких особ, знаете ли, часто бывает расстройство нервов, меланхолии. И даже истерии. Это – особый, слишком эмоциональный тип натуры.

– Да, доктор, вы совершенно правы.

– И вот то, что для иной дамы, более простого происхождения, является сущим пустяком, то такой женщиной, как Глафира Сергеевна, может быть расценено, как нечто важное и исключительное. Словом, ваша супруга крайне впечатлительна. И сейчас ей нужен только покой. И ничего более. А в среду я её осмотрю повторно.

В конце широкого коридора старинного особняка Мельниковых располагался уютный диванчик, возле которого стояла этажерка с подсвечником. Все три свечи ярко горели, освещая темноту небольшой ниши. Но вот, где-то вдалеке хлопнула одна из дверей, и легкий сквозняк, ворвавшись в коридор, потушил пламя. И с этого момента разговор доктора и отставного майора Мельникова слушал еще один джентльмен, не пожелавший себя обнаружить двум другим. Этот новый гость оставался для них невидимым.

Темные глаза с тревогой взирали на седенького доктора. А после незнакомец усмехнулся и тихо произнес:

– А вот тут вы решительно правы, доктор. Глафира Сергеевна очень тонкая штука. И крайне впечатлительна. За что я её и люблю...

А далее незнакомец покачал головою и, пройдя сквозь кирпичную стену, очутился возле Глашиной кровати. Глафира, утихомиренная валерианой, крепко спала, уткнув нос в уголок подушки. Русые волосы разметались вокруг ее светлого лица. За длинными ресницами быстро двигались зрачки.

Демон вздохнул и, наклонившись, поцеловал её в лоб. А после отошел от кровати и растаял в длинном луче догорающей свечи.

* * *

До утра она спала без сновидений. На рассвете следующего дня Глаша почувствовала себя необычайно бодро и даже засобиравшись пойти с детьми на прогулку.

– Нет, Глашенька. Доктор настаивал на постельном режиме, – строго сказал муж. – Сейчас тебе принесут завтрак прямо в постель. А потом ты снова будешь спать.

– Сережа, я не больна. Это уже слишком. Не стоит возиться со мною, как с ребенком. Я неплохо себя чувствую. И я соскучилась по мальчикам.

– Никуда твои мальчишки от тебя не денутся. Они с гувернанткой, и Руся с Наташей ей помогают. Пока ты спала, они были здесь, в твоей спальне. Ольга Александровна просила их не шуметь. Они великолепно слушаются ее. Уже с утра она увела их на прогулку. Так что, не беспокойся. У нас дома всё в порядке. Завтра, если тебе станет лучше, будем все вместе наряжать нашу ёлочку. Сегодня Степан обещал ее укоротить и установить в гостиной.

– Ёлочка... – улыбнулась Глафира. – Скоро ведь Рождество...

– В том-то и дело, любимая, – он поцеловал ее в висок. – К Рождеству ты нужна нам здоровой и невредимой. А потому после завтрака снова выпей капель и спать, как приказал доктор.

После принятия успокоительного она и вправду довольно быстро заснула – полетела в глубокий омут сна, который начался с едва различимых аккордов такой теперь знакомой, но волнительной музыки великого Альбини. Сначала музыка звучала тихо, прорываясь в ее сон отдельными фрагментами, лишь постепенно набирая свою мощь. Пока Глафира слушала ее с упоением, она находилась в темном пространстве, в коем, как ей казалось, отсутствовали какие либо предметы. Вокруг лежала густая тьма, прерываемая вспышками далеких лучей, похожих на соцветия белых газовых астр.

Потом неведомая тьма озарилась ярким, но холодным светом. Глафира поняла, что перед нею простирается звездное ночное небо с величавой и влажной луной. Она осмотрелась и увидела себя, стоящей посредине лавандового поля.

– Я снова здесь, в его царстве, – прошептала она. – Я сплю в своем сне? Или это ЕГО сон? Или это сон Володи? Где же они оба?

Она наклонилась к цветам и осторожно потрогала их пальцами. Прохладные соцветия приятно щекотали ладони. Тонкий аромат мягко окутал голову. Рядом с лиловым маревом она увидела струи белого тумана. Он стелился прямо над полем, делая округу таинственной и невидимой глазу. Глафира сделала несколько шагов навстречу молочной дымке.

Зыбкое пространство просветлело, обозначив сквозь белые клубы деревянные бревна двухэтажного сруба. Она подошла ещё ближе и увидела до боли знакомые очертания Махневской бани.

Лиловое поле отступило назад и растворилось в густой пелене. Когда она обернулась, то обнаружила позади себя уже не лаванду, а воду Махневского пруда. Диск Селены золотил полосу, идущую от противоположного камышового берега до того, на котором стояла Глафира. Взгляд опустился ниже – теперь ее босые ступни утопали в мокром прибрежном песке. Бесшумные волны набегали на кромку суши, облизывая мелкие камни и сочную осоку. Она сделала несколько шагов к дому. Справа проступили корявые стволы старой ветлы и несколько сосен со змеевидными и узловатыми корнями. Далее темнел смешанный лес. Она приблизилась к бане. Дверь в нее была чуть приоткрыта, выпуская наружу полосу теплого света.

– Господи, здесь всё так же, как и тогда, – прошептала она. – Кто сейчас выйдет за мной? Володя? Игнат? Виктор? Кто же? Кто приведет меня в то место, где всегда пахло пороком? То место, где я теряла над собою контроль.

Она робко поднялась по деревянным ступеням и ухватилась за массивную кованую ручку. И как это часто бывает во сне, пространство на миг ускользнуло от неё вместе с шелестящими ветками старой ветлы и мокрым песком. В одно мгновение она оказалась уже в теплой и светлой горнице. Здесь так знакомо пахло можжевельником и березовыми вениками. К этим ароматам присоединились запахи свежей сдобы, горячего чая, меда, ветчины и дорогих сигар. В комнате не было ни души. Казалось, что люди из нее вышли лишь пару минут назад – даже деревянные стулья были небрежно отодвинуты от стола. А в пепельнице, уносясь в потолок серой дымной стрелой, таял кончик дорогой сигары. На столе, покрытом чистой льняной скатертью, стоял фарфоровый чайный сервиз с остатками недопитого в чашках чая. Рядом располагалось блюдо с печеными булками и кренделями с маком. Тут же круглился берестяной туюсок с прозрачным липовым медом, в котором навеки замерла маленькая пчёлка. В миске томилась моченая брусника. А рядом с ней пестрело блюдо с пластиками розоватого окорока и желтого ноздрястого сыра. Бутылка со сладкой Люнелью завершала сей прекрасный натюрморт. Правда, помимо Люнели, недалеко от стола, на небольшой этажерке, красовалось несколько бутылок с ромом, коньяком и портвейном.

Она внимательно разглядела и ту самую дверь, что вела в предбанник и парную. Пальцы осторожно потрогали гладкую мозаику дверного полотна. Дверь была теплой от горячего пара.

– Володя, – робко позвала она. – Владимир Иванович...

От тихих звуков колыхнулось пространство, исказив всю картину, словно в кривом зеркале. Изображение горницы внезапно стало плоским, словно на бумаге. А с пола потянуло сыростью и стылым воздухом. Глазами она отыскала ту самую лестницу, по которой много раз поднималась на второй этаж. И как только босые ноги почувствовали гладкую теплоту сосновых досок, как какой-то невидимый вихрь перенес ее сразу же на второй этаж. Она обнаружила себя, сидящей на кровати. Руки прикоснулись к груди – сорочка пропала. Растаяла в горячих руках так, словно была сделана из мыльной пены, а не крепкой ткани. Теперь Глафира была полностью обнажена.

В этой комнате было светло. Белые, оплывшие свечи горели повсюду – они стояли на старинном комод, и на столе, в витом бронзовом подсвечнике. Несколько свечей трепетало на подоконнике.

Музыка великого Альбини давно пропала. Вокруг царил тягостная тишина, в которой Глаша различала чей-то зловещий и прерывистый шепот.

– Володя! Володя, ты где? Отзовись, мне страшно, – произнесла она.

От звуков её голоса дрогнул свечной огонь. В тот же миг странный шепот усилился. От страха она поджала босые ноги и забралась на кровать, почти к самому изголовью.

– Во-ло-дя, ну где же ты? Мне страшно...

Позади себя она услышала твердые мужские шаги. Она повернула голову, но никого не увидела. То место, где прозвучали шаги, оставалось пустым. Квадрат лунного света озарял некрашенные половицы, покрытые мягким домотканым половичком.

– Кто здесь? – прошептала она. – Зачем вы морочите меня?

Но ответом вновь оставалась тишина. Из другого, темного угла комнаты, недалеко от шкафа, в котором ранее хранились мягкие плети, деревянные и каменные дилдо, веревки и прочая похотливая атрибутика, собранная для барских утех, послышались другие шаги. Некто невидимый шел по направлению к Глафире. Она пыталась всматриваться в зыбкую темноту, озаряемую светом свечей, но видела лишь трепетание воздуха.

Когда она готова была заплакать от страха, она почувствовала, как прямо за спиной ее плеч коснулись теплые и сильные руки. Одна из ладоней нежно провела по волосам и остановилась на шее, другая скользнула по предплечью и крепко сжала одну из грудей. Невидимый гость притянул её к себе. Спиной она почувствовала обнаженный торс мужчины. Она прижалась к нему и ощутила до боли знакомый запах. Так пах только один человек во всей Вселенной. Её ненаглядный Махнев.

– Володенька, ты? Я так соскучилась... – выдохнула она.

Она хотела развернуться и посмотреть в его глаза. Но он не дал ей пошевелить головой. Он крепко сжал ее в объятиях.

– Правда? – в его голосе послышались прежние, ироничные нотки. – А я полагал, что ты не скучала по мне.

– Это не так. Я ведь люблю тебя... И ты это знаешь.

– Vraiment? – он снова рассмеялся и повалил её на кровать.

Теплые губы принялись крепко целовать её губы. Когда она раскрыла глаза, то действительно увидела рядом с собою Махнева. Только вся верхняя часть его лица была закрыта темной карнавальной маской.

– Зачем это, Володя? Зачем ты закрыл лицо?

– Тс, тихо, – он приложил палец к губам. – Так надо. Мы поиграем с тобою в одну интересную игру, – посмеиваясь, произнес он.

Она бегло оглядела его обнаженную фигуру, плечи, покрытую волосами грудь. Пальцы коснулись его твердых губ, носа, бритого подбородка.

– Сними эту маску, – попросила она. – Я хочу видеть твои глаза.

– Их итак видно сквозь прорези.

– Володя, я не понимаю тебя. Ты что-то скрываешь? Ты снова стал другим.

– Каким?

– Тем, земным. Каким я тебя знала раньше.

– Ну, разве это плохо? – вновь рассмеялся он. – Ведь именно тогда ты любила меня до безумия. Разве нет? Вспомни, как я когда-то говорил о том, что вы, женщины, не любите слишком хороших. Вы чаще любите мерзавцев. Разве нет?

– Не знаю, – растеряно протянула она.

– Уж, кто-кто, а вы-то всё прекрасно знаете, моя дорогая кузина. Вы никогда не были святошей. Внутри вас всегда жила Вавилонская блудница. Разве нет?

– Нет! – крикнула она.

По углам комнаты усилился зловещий шепот. Она вспомнила этот шепот. Она слышала его и раньше. В шелестящих звуках она вновь разобрала чьи-то голоса:

– Хочешшшьь, ты хочешшшьь, ты этого хочешшшьь, грешшшница... Отринь все сомнения. Шагни! Иди к нам, блудница вавилонская... Тебе будет сладко... Ой, как сладко-ооо.

– Нет, я не хочу!

– Хочешь, – рассмеялся он и, наклонившись, принялся ласкать губами её торчащие от возбуждения соски.

– Нет... – шептала она прерывисто.

– Да, как же нет, если меж твоих полных ляжек уже струится обильная влага, и ты сама раздвигаешь ноги? Есть ли сила, способная их сомкнуть? Твои врата всегда открыты для моего толстого жеребца. Разве нет?

Он не дал ей ответить. Ее голос потонул в его горячем поцелуе. Она лишь застонала в ответ. Ноги согнулись в коленях.

– Вот, ты уже готова, – шептал он. – А я еще даже не ласкал твой трепетный бутончик. Твой предательски отзывчивый лепесток нежной плоти. Правда?

– Да-аа-аа.

– И разве после этого ты не блудница?

– Блудница, – послушно ответила она. – Наверное, ты прав.

– Я представляю, как скучны ночи с твоим пресным и слишком хорошим муженьком. Я угадал?

В ответ она молчала.

– И знаешь, что самое печальное?

– Что?

– Ты ведь боишься проявить с ним весь свой темперамент, данный тебе от природы.

– Почему ты так решил?

– Почему? Да, потому, что ты боишься, что он сочтет твои желания непристойными. Ты боишься осуждения и того, что он припомнит тебе время, проведенное в борделе. Разве нет?

– Нет, – она покраснела и отвернула лицо.

Он взял ее за подбородок.

– Я давно догадался, что твой отставной майор годится лишь на то, чтобы клепать тебе твоих славных карапузов. И ни на что иное... На истинный праздник плоти он просто не способен. Он не способен сделать так, чтобы ты кричала от страсти и кончала под ним, словно дикая кошка. Молчишь? Я знаю, что это так.

– Но он любит меня, – со слезами в голосе протестовала она, мотая головой.

– Угу, а ты до сих пор любишь меня.

– Да, люблю! И ты знаешь это...

– А меня? Меня ты тоже любишь? – раздался голос Виктора, недалеко от кровати.

Глафира вытаращила глаза и увидела, что к ним с Владимиром присоединился Виктор. Как и Владимир, он тоже был в маске.

Глаша дернулась всем телом, в попытке, освободиться из рук Владимира.

– Хватит! Прекратите все ваши игры... Я не хочу! Я так не буду.

– Будешь и хочешь... – спокойно произнес Владимир. – В прежней жизни ты любила l'amour à trois³. Разве нет? Ты и в борделе иногда занималась этим. Подставляла свои прелести сразу двум умелым кобелям.

Глафира соскочила с кровати. Глаза ее сверкали от слез, подбородок дрожал. Разлохмаченные волосы неровными локонами спускались на высокие белоснежные груди.

– Я уйду, – гневно объявила она. – Сделайте так, чтобы я проснулась. А если я не сплю, то освободите меня от этого кошмара наяву.

– Успеешь еще вернуться к своему храброму майору, – фыркнул Владимир. – Бьюсь об заклад, что на поле брани он наверняка бывал куда более решителен, нежели в вашей с ним спальне.

И оба мужчины негромко рассмеялись.

* * *

В фамильном особняке Мельниковых, в спальне Глафиры, тоже горело множество свечей. Глаша крепко спала. Прислуга на время оставила её в покое. Внезапно крепкий сон нашей героини стал тревожным. Она принялась что-то бормотать, всхлипывать и стонать. Зрачки, прикрытые длинными ресницами, быстро двигались во сне. Казалось, что женщине грезится нечто ужасное. Какой-то кошмар.

– Как же здесь натоплено, – раздался голос Виктора из темного угла спальни. – Не мудрено от такой духоты увидеть и чёрта в лесу, – он хмыкнул.

Демон встал из плюшевого кресла и подошел к кровати Глафиры. Он долгим взглядом всматривался в ее бледные черты, искаженные страданиями. Смотрел и хмурился.

– Боже, какая же вам снится пошлость, дорогая моя Глафира Сергеевна, – удрученно произнес он. – Это ведь не мой сон, и не сон Владимира. Это, моя дорогая, именно – ВАШ сон. Это-то как раз и печально.

Он вновь вздохнул и отлетел к окну.

– Что же творится в вашей душе, если вам снится подобная дребедень? Хотя, женские сны бывают весьма непредсказуемы. Если бы вы знали, какие сны иногда видят монашки... Oh mein Gott, – Виктор хохотнул. – Им, от долгого воздержания и усмирения молодой плоти, иногда грезятся такие замечательные оргии, которые не мстятся даже куртизанкам в борделях. Я люблю иногда наблюдать за их снами. В яви посмотришь на иную – она от образов и молитв не отходит. Аж посинеет вся от долгого стояния на коленях. А ночью этой тихоне такое при-видится, что всем чертям в округе станет тошно.

Он помолчал, глядя в темное окно, за которым наступили ранние сумерки.

– Что же мне с вами делать? – он вздохнул. – Экая вульгарность... Неужели вы полагаете, что после нашего полёта и моего объяснения с вами; после ужина под музыку великого Бетховена; и гуляний по берегу моря, названного вашим именем; после Альбинони; после всех моих слов – я смог бы опуститься до того, чтобы пригласить в злополучную баньку Володьку-несмышленища, и вместе с ним... С ним!!! – демон покачал головой. – Предаться разврату и овладеть вами самым некрасивым и скотским образом? Да? Да? Правда? – горькая усмешка тронула губы Виктора. – Нет, то, что вам сейчас снится, это, конечно, потрясающе и слишком заманчиво... И ранее я всегда делал так. Я был в телах многих мужчин, которые овладевали

---

³ l'amour à trois (франц.) – любовь (секс) на троих.

вами. Тогда, но не сейчас. То, что происходит сейчас в вашем сне, не имеет ко мне ровно никакого отношения. Да и, по правде говоря, к вашему любовнику Махневу тоже. То, что сейчас грезится вам, как ни печально, принадлежит лишь только вам одной. Вашей душе.

После этих слов он глубоко вздохнул и растворился в пламени свечи.

* * *

Она попыталась сбежать. Снова уйти, как делала это не единожды в своей прежней жизни. Уйти, громко хлопнув дверью. Провалиться сквозь землю. Но какая-то неведомая сила удерживала её на месте. Она пыталась в сторону двери, пытаясь закрыть руками обнаженные груди и лобок, но какие-то невидимые сущности крепко держали ее за плечи и легонько подталкивали в спину.

– Возвращайся назад. К ним. В постель, – шептал кто-то противным гнусавым голосом с шелестящим присвистом. – Посмотри, какие у них толстые члены. Ого! Какие знатные приапы! У тебя давно не было таких! ХУИ! Ты будешь течь от желания, блудница. Посмотри, по твоим ногам уже струится влага. Внутри тебя всё алчет их вторжения. Ты будешь кричать от наслаждения. Иди к ним. Они обнимут тебя крепкими руками. Придавят, сожмут, словно сладкий плод. Плод, из которого будет течь сок. Сладкий сок порока. Ты создана для похоти, блудница Вавилонская...

Тот, кто нашептывал все эти гадости, одновременно дул ей в уши и затылок. От этого ее распущенные волосы приподнимались легким облаком, а по спине шел холодок, вызывая приятную изморозь по всему телу.

– Нет... – она вновь качала головой.

Но каждое ее слово звучало невнятно и тихо – казалось, что губы деревенеют. Тяжелели и веки. Она смотрела на кровать, в которой лежали Владимир и Виктор. Теперь у неё не оставалось и тени сомнения, что это были ОНИ. Оба мужчины были обнажены. Оба были похожи друг на друга, словно две капли воды. Стать, рост, фигуры – все было одинаково. Даже огромные эрегированные члены походили теперь на двух братьев-близнецов. Только цвет волос Виктора немного отливал рыжиной. Лица обоих закрывали плотные черные маски с узкими прорезями для глаз, делавшие их похожими на глаза рыси или волка. Сквозь прорези она видела блеск их вызывающих взглядов, полных вождления. Оба улыбались, поблескивая оскалом белых клыков.

– Не стыдись своей наготы, Глашенька! – крикнул ей Виктор. – После родов ты стала такую пышкой. Ну, очень аппетитная и сочная девочка. Иди к нам, мы с Владимиром тебя кушаем. Всю...

– Нет, я не стану спать с вами двумя.

– Не станешь? – хмыкнул Владимир. – Станешь...

– Володя, очнись, что ты говоришь? Стыдитесь и вы, Виктор. Неужто и вы туда же?

– Куда, мой ангел? Как это забавно, когда демону похоти и разврата предлагают устыдиться. Чего?

– Вы же сами еще недавно говорили мне о том, что не можете вступать в плотскую связь с теми, кто живет в Яви. Что вам нельзя, – последние слова она произнесла с пунцовым от обиды лицом.

– Я? Конечно, говорил, – рассмеялся в ответ демон, красиво запрокинув голову. – Но, на то я и демон, чтобы хоть иногда позволять себе исключения. А может, я лукавил? Нет?

– Я ничего не понимаю, – у неё задрожал подбородок. – Кому тогда верить, если не вам?

– Мне! Конечно же, мне! – хохотал Виктор. – Правда, я однажды уже сказал как-то нашему общему другу, – он кивнул на Владимира. – Что глупо ожидать правды от лукавых. Ты помнишь мои слова, *Le Favori*?

- Я всё помню, патрон, – отчеканил Владимир. – Вашу науку я ценю очень высоко.
- Молодец... – удовлетворенно крикнул Виктор. – Годы учёбы не прошли для тебя даром.
- Мне всё это снится, – шептала она. – Разбудите же меня.
- Обязательно разбудим. Но только после того, как чуточку развлечемся с тобой. Пока

каждый из нас не насытится твоим спелым телом и не выпьет весь твой сок, ты никуда отсюда не сбежишь.

Рогатый невидимка, что дул ей в затылок и щекотал талию и ягодички, крепко подхватил её на руки. Со стороны это выглядело так, словно Глафира взмыла в воздух и повисла меж потолком и полом. А после она легко приземлилась, аккуратно меж двух мужчин. Не успела она возмутиться и проявить хоть какое-то сопротивление, как две пары сильных рук обхватили ее плечи, груди, живот и ноги. Она чувствовала, как мужчины стали с жадностью тискать ее упругое и гладкое тело. Обе головы склонились к ее груди, и подобно младенцам, ухватились за торчащие соски. А две сильные ладони тут же двинулись к лобку.

– Боже, как ты течешь, – вымолвил Владимир, глядя на Глафиру с нескрываемым восхищением.

- Да, сочная женщина, – согласился демон.

В смущении наша героиня прикрыла руками пылающее лицо.

– Не стыдитесь, Глафира Сергеевна, – снисходительно прошептал демон, лизнув горячим языком мочку её уха. – То, чего вы стыдитесь, является величайшим женским достоинством.

После этих слов он стал нежно целовать ее в губы, вызывая в теле настоящий тайфун неподдельного сладострастия. И тысячи солнц вновь взрывались в её голове, множась сотнями ярких вспышек. Но сознания она не теряла, как это бывало прежде от поцелуев демона. Теперь всю ее плоть сводило невероятное по силе и совершенно жгучее желание – желание отдаться своим мучителям, как можно скорее. Скорее! Чтобы ощутить всей плотью тяжесть их орудий и их скольжение. Нет, не скольжение, а удары. Сильные удары!

– Да! – вдруг крикнула она охрипшим голосом, отстранившись от Виктора, чтобы глотнуть хоть немного воздуха. – Да!!! Ну, да же...

И в этот момент уже ощутила властные и такие желанные губы Владимира. Пока оба мужчины по очереди дарили ей поцелуи, их руки скользили по пухлому лобку, раздвигая нижние отяжелевшие от желания губы и теребя лепестки её горячей плоти. Она с трудом угадывала то, кто ласкал её в эту минуту – демон или Владимир. Она пьянела от нестерпимого наслаждения.

– Господи, – шептала она. – Какое это счастье. Спасибо тебе, господи... Неужели так бывает?

Глаза Глафиры сверкали в полутьме, подобно двум синим сапфирам. Волосы разметались по подушке. А ноги, её длинные ноги, были раздвинуты в ужасающе развратной позе. Широко, очень широко... Навстречу. Навстречу. Скорее. О, боги...

- Я люблю вас обоих, – иступленно шептала она. – Люблю...

– Ну вот, а ты не хотела...

– Хочу, – шептала она, мотая по подушке взлохмаченной головой. – Хочу... Сильно. Скорее! Умоляю... До боли, до крика...

– Уже скоро... – с улыбкой пообещал Виктор. – Какая вы, Глафира Сергеевна, все же страстная особа. Вашему темпераменту бы позавидовали лучшие куртизанки Рима.

– Да, что там Рима! – встрял Владимир. – Лучшие куртизанки Парижа тоже бы не сравнились с нашей девочкой. Ах, Глафира Сергеевна, какие у вас прелестные ножки.

Она чувствовала, что ее клитор распух и увеличился в размерах. Еще ни разу этой маленькой горошины не касались два мужских пальца в близком скольжении, в утонченном танце неземного блаженства. Оба они кружили над ним, то нежно, то дерзко. Оба любовника были настолько искушены в этом ремесле, что от закипающего наслаждения сжимались пальцы

на ее узких ступнях, и сбивалось дыхание. Она отрывала голову от подушки и, закусив нижнюю губу, приподнималась на локтях и наблюдала за смелыми ласками двух мужчин.

Это не длилось слишком долго, ибо Глафира не выдержала этих погибельных касаний. Она замерла, изогнувшись телом, с открытым навстречу паху. Замерла на кончике мужских пальцев. А после качнулась еще раз навстречу, прижавшись упругой и пульсирующей сердцевиной. Навстречу. И еще раз! До вспышки молнии, до крика, до боли. В этот момент ей показалось, что всё ее естество превратилось в неведомый поток, набухающий одним безумным и жадным нервом. И этот поток выплеснуло наружу мощной волной. А после волна откатилась к самому горлу, сведя судорогой красивое лицо, оскалив белые зубы и сорвав из горла хриплый крик. Совсем не нежный крик. Этот крик походил на крик какой-то неведомой птицы. Птицы не из этого мира.

Волна сладострастия несколько раз вскрывала ей живот, сжимая судорогой все женское естество. А после она вновь, подобно морскому прибою, откатывалась к горлу.

– Oh mein Gott, куда я попал! – фыркнул Виктор. – Я все-таки ни разу не видел такого сладострастия ни у одной своей любовницы. Каждая из них кричала в постели, но так как делаете это вы, Глафира Сергеевна, не делал никто. И что за звуки? Неужели ваше нежное горло издает это змеиное шипение, клекот и рычание?

– Ах, прекратите меня стыдить, – устало прошептала она и свела полные ноги.

– Я не стыжусь. Я восхищен! Я много веков не слышал ничего лучше, чем ваши бесстыжие гортанные крики.

Она перевернулась на бок и закрыла глаза.

– Смотри, Махнев, она сейчас заснет.

– Да, разве же ей кто-то позволит?

Владимир погладил Глашу по ягодицам и вновь легко перевернул на спину. Томная сень ресниц смежила тяжелые Глашины веки. Теперь ее тело казалось ей ватным. Длинные ноги были гибки и расслаблены от основания пышных бёдер, до нежных, чуть розоватых пальцев.

– Как податливо твоё тело, – пробормотал Владимир. – Как оно послушно.

Она лишь молча шевелила губами, находясь в бессознательном омуте.

– Глашенька, надеюсь, ты помнишь многое из моих дерзких банных забав. А сейчас приготовься. Мы будем тебя ебать до изнеможения. Ты будешь терять сознание и вновь приходить в себя. Мы с моим учителем напускаем в тебя столько горячего семени, что оно будет литься из всех твоих, до поры нерастянутых, милых дырочек. Мы разьебём тебя так, что ты не сможешь даже двигаться. Готова?

– Нет, – она качнула головой.

Но кто ее спрашивал.

– Какова будет первая поза? – очарованно глядя на сонную Глафиру, спросил Владимира демон.

– Я предлагаю положить ее на живот и согнуть в коленях ноги. Она и раньше любила такую позу. После нее она так быстро заводилась. Сначала она любит сзади...

– Что ж, давай. Приступим, благословясь. Но, кто первый? Ты или я? Может, бросим жребий?

– К чему нам жребий, патрон? Конечно, я уступаю первенство вам. Вы же мой учитель.

А дальше она почувствовала, как в нее вошел каменный и раскаленный член демона. Ранее он не раз говорил ей о том, что их телесный контакт может принести ей смерть. И что же теперь? Она принимала в себя его грозный жезл и стонала от наслаждения. От каждого его толчка. И была жива! Жива! Но, жива ли?

«Странно, неужели он мне лгал? Но, зачем? Что это? Неужели он такой же, как все?»

Сознание ускользало от нее, заполняя всю её суть одним лишь безумным наслаждением.

* * *

– Глафира Сергеевна, я не такой как все! – крикнул он. – И я не лгал вам!

Она всё еще спала и бредила во сне.

Виктор стоял в ее земной спальне и смотрел на свою спящую возлюбленную.

– Не скрою, ваш сон весьма значителен и ошеломительно приятен для меня, моя дорогая королева. Частью себя я нахожусь всё-таки в нём. Я всё чувствую. И безумно счастлив от этого. Пики ваших сладострастий таковы по накалу, что в моих древних жилах закипает кровь... И всё же. Мне мучительно больно от некоторых ваших мыслей. Вы всерьез считаете, что я мог вас обмануть? Нет, я, конечно, известный лжец и плут. Оно и понятно. Оно мне и по должности положено. Я таков со всеми. Кроме вас! Но я удручен тем, что вы могли предположить мой обман тогда, во время нашей прогулки. Я не лгал вам, Глашенька! Я погибельно хотел вас, но знал, что убью вас этой связью. А в вашем сне вовсе не я. Там лишь часть меня. Некий симулякр, если хотите. Поэтому-то он вам и не опасен. Моя же природа – совсем иная. Я не человек. Я весь состою из огня.

Он присел на край её постели.

– Повторюсь, я многое чувствую через своего двойника. И за это вам безумно благодарен. Но я вам не лгал! Мне жаль, что вы не поверили мне. Ваша душа отринула мои слова и оправдания. Отсюда и такой сон. Я скоро разбуду вас. Я мог бы и сейчас разбудить. Но, видит бог, я не в силах оторваться от вас! Я не в состоянии до поры прервать ваше дивное видение. И пусть оно не станет вашим разочарованием. Мне трудно предугадать, куда вас заведут ваши грёзы. И ладно бы одни грёзы... Там много ваших страхов. И это печально... Ладно... Посмотрим, что вам приснится дальше, моя светлоликая вакханка.

После монолога над спящей Глафирой демон вновь исчез – растворился в зыбком пламени свечи, скользнув по стене хороводом сизых теней.

* * *

«Странно, неужели он мне лгал? Но, зачем? Что это? Неужели он такой же, как все? – думала она, закусывая от страсти губы. – И Володя, мой любимый Володя, как он-то смог вновь меня предать?»

Она лежала на животе, поджав под себя ноги. Правая нога была согнута чуть сильнее и поднята выше левой. Демон ритмично двигался позади нее, а она стонала от наслаждения. Владимир же в это время теребил ей соски и целовал в губы. Длилось это бесконечно долго. Её сотрясали волны оргазма – одна сильнее другой. Потом на место Виктора встал Владимир. И это вновь было безумно. Безумно и волшебю.

Стыд куда-то пропал, сменившись животной страстью. Затем её вновь переворачивали на спину и, запрокинув ноги, входили сверху. И вновь по очереди. Мокрые от пота волосы прилипали к лицу. Их заботливо поправлял Владимир, который держал ее за руки. Плечами и спиной она ощущала жар его паха. И каменный член, готовый к бою.

Ей казалось, что время тянется бесконечно долго. Мужчины то отдыхали, уходя к распахнутому окну, и курили душистые сигары, то вновь возвращались к кровати, тормозили её и заставляли подчиняться их смелым фантазиям.

– У тебя, Махнев, насколько мне не изменяет память, была одна «приспособа» для плотских утех, – вдруг оживился Виктор.

– Какая, патрон?

– Тиски со ступенями. Где фиксируется голова и руки рабыни, оставляя в свободном доступе её роскошный зад.

– Ага, была. А как же. Мы с Игнатом в ней замыкали Лушку.

– Вот-вот! Правильно, Лушку. Я отлично помню и Лушку, и ту великолепную композицию с огородным огурцом. Всё это было весьма живописно и зело затейно. И Глафира Сергеевна, насколько я помню, имела честь, лицезреть ваши мудреные экзерсисы. Так ведь?

– Нет! – вдруг крикнула Глаша. – Нет!

– Да, моя прелесть, – выпуская кольцами дым, рассмеялся Виктор. – Я знаю, что и тогда ты мечтала, оказаться на месте Лушки. Разве нет?

– Нет!

– А мы это сейчас посмотрим, – вторил патрону Владимир.

Она уткнулась носом в подушку и зажала пальцами уши. Кровь пульсировала в горячих висках. Сквозь ладони она слышала быстрые шаги и деревянный скрежет. Когда она открыла глаза, то увидела, что изуверская конструкция с одним большим отверстием для головы и двумя маленькими для рук, уже стояла посередине банной горницы. Владимир заботливо отер тряпочкой пыль с полированных досок и расстелил один из мягких половичков перед ступенями тисков – аккурат в том месте, где должны были стоять ее колени.

– Прекратите этот балаган! – сверкнув глазами, крикнула она.

– Глафира Сергеевна, признайтесь, что ПОДЧИНЕНИЕ – это именно то, чего вам так не хватает в любовных играх с супругом.

– Помилуйте, патрон, то, что происходит у Глафиры с отставным майором Мельниковым, играми-то назвать никак нельзя. Грешно называть их унылые телодвижения – играми. Он и не подозревает о том, какие сильные оргазмы способна испытывать наша недотрога при применении к ней даже легких элементов насилия. Скажите, *ma chérie*, ваш благоверный хоть однажды вас отшлепал?

– Нет, – тихо отвечала она, помрачнев лицом.

– А связывал ли он вас хоть однажды, разведя ноги так, чтобы вы сходили с ума от стыда и похоти?

– Нет...

– Ну, тогда позвольте узнать еще об одной пикантной вещице: употреблял ли хоть однажды супруг ваш сладкий афедрон? Скажу, не мудрствую лукаво: входил ли он своим хуем в вашу сладкую попку?

– Замолчите!

– Ну, вот... Что и требовалось доказать.

– *Audiatur et altera pars*⁴, – приподняв бровь, иронично заметил Виктор.

– Ха-ха, патрон! Уж не предлагаете ли вы пригласить сюда нашего бравого майора и расспросить его обо всех пикантных подробностях с особым пристрастием?

– А что? Это идея...

– Не трогайте моего мужа!

– Ах, какие нежности! Да, кому он нужен ваш муж? Меня только от вида его тошнит. До того он правильный. Патрон, вас никогда не тошнило от сладкого?

– Ну, как же! Конечно, тошнило... Как сейчас помню, обкушался я как-то пряничных пасхальных голубков в патоке.

– Довольно вам кривляться, господа. Я вижу, что вас обоих не оставила равнодушными моя супружеская жизнь. Не кажется ли вам, что копать в чужом исподнем, это низко.

– Нет, не кажется. Если это исподнее ваше, Глафира Сергеевна. Так уж вышло, что оставить вас в полном покое – не представляется возможным.

– Володенька, довольно нам пикироваться. Приятно одно: от этих живых диалогов наша красавица, наконец, вновь пришла в чувства. Даже энергии в ней стало больше. Вон, и щечки от

---

⁴ Следует выслушать и другую (или противную) сторону. (лат)

спора заалели. Ручками машет, груди колышутся. Я люблюсь ею и мечтаю, как можно скорее, увидеть ее в этих тисках.

– А это мы запросто. Только, чтобы она не убежала от нас и не брыкалась, я хочу надеть на ее нежную шейку мягкий ремешок и защелкнуть его.

– А это идея! Я люблю водить обнаженных женщин на поводке.

Глафира и глазом не успела моргнуть, как ее обожаемый кузен оказался у нее за спиной и, ловко обведя шею кожаным ремешком, защелкнул его. От ошейника к рукам Владимира шел тонкий, но довольно крепкий плетеный поводок.

– Вот и всё, мадам. Теперь я не советую вам брыкаться. В таком виде вы будете намного покладистее, чем накануне. Я слишком люблю вас, чтобы применять к вам более жестокие методы воздействия – такие, какие я применял ко многим своим рабьям.

– Ты что, не собираешься ее отшлепать? – разочарованно протянул Виктор.

– Патрон, у нашей девочки такая нежная кожа, что я боюсь оставить на ней красные полосы.

– Ну, а ты не усердствуй шибко. Я видел в твоём арсенале очень мягкую плетку из тонкой лайки. Там отменная кожа. Она только разогреет нашу красоту и ее трепетный бутончик.

– Хватит с меня! – крикнула Глафира сквозь слезы. – Разбудите меня сейчас же! Этот сон переходит все границы! Я хочу проснуться! Я не стану угождать вам в этом ошейнике для шпицев, словно ваша крепостная девка.

– Станешь, – вздохнул Владимир.

– Но, это низко!

– Мы знаем... – развел руками Виктор. – Мы всё это знаем. Однако мы не можем не исполнить задуманное. Сейчас вы станете на колени. И мы отхлещем вас парой плеток. А после мы вновь, по очереди, будем вас употреблять по вашему прямому назначению.

– И по очереди. И одновременно.

– Нет!

– Да, и ровно так, как подскажет нам наша бурная фантазия. Ведь с помощью этих тисков в нашем распоряжении будут все ваши отверстия – от вашего горячего рта, до узкого ануса... А потом мы вас снимем с тисков и завершим этот сон одновременным вторжением наших орудий. Ну, вы понимаете, как. Это ведь банальная классика. Вы сядете в позе наездницы на меня или моего Le Favori. А третий участник закроет тылы всей этой славной кавалькады.

– Не просто закроет, – хмыкнул Владимир. – Он забьет туда свое орудие по самые яйца! Глафира побледнела и пошатнулась.

– Да, не бойтесь вы так! К этому времени мы непременно разработаем вашу, так долго неиспользованную попку. Она с легкостью примет все наши орудия.

– Начинай!

Глафира дернулась, но тут же поняла, что ошейник не дает ей двинуться с места. От натуги лицо ее покраснело. Пальцы вцепились в кожу поводка, в попытке, сдернуть его с шеи. Но вместо этого тело ее выгнулось, и она вынуждена была встать по стойке смирно, чуть отогнувшись назад. Владимир крепко натягивал поводок, выгибая ее спину так, что водопад густых волос сместился к спине, оголив голые груди, выпуклый живот и лобок.

– Видишь, как ты беспомощна. Теперь, с помощью простых манипуляций, мы легко можем поставить тебя в любую, самую похотливую позу.

Глафира взмахнула руками и еле удержалась на ногах.

– Веди ее к нашим тискам.

Словно собачку, Владимир потащил ее к изуверской конструкции.

«Господи, эти ступеньки часто снились мне в кошмарах, – лихорадочно думала она. – Я помню, как ужасно выглядела несчастная Лушка после долгого стояния на коленях. С без-

можно раздвинутыми ногами. Они насильовали её часами с приказчиком Игнатом. Неужели и меня так же? Боже, какой стыд!»

Но вместе со страхом, словно непрощенный гость, ее телом овладело еще более мощное вожделение. Ей хотелось раздвинуть ноги так широко, чтобы члены ее мучителей проткнули ее насквозь. Живот ныл от нестерпимого желания.

«Да! – думала она. – Я всегда мечтала о том, чтобы это длилось часами. До изнеможения. Я хочу, чтобы они до краёв наполнили меня горячим семенем. И чтобы оно текло по моим ногам, прямо на пол. Много семени. И снова ... Я готова умереть от страсти...»

– До смерти не получится, моя девочка! Как же ты горяча...

– Вы читаете все мои мысли? – вспыхнула Глафира.

– Увы, – демон развел руками. – И рад бы не читать.

– Она мечтает умереть от наших приапов?

– Да, – притворно всхлипнул Виктор. – Как это не прискорбно. Понимаешь, мой *Le Favori*, женская природа очень загадочна. Недаром все их сёстры произошли от Евы и Лилит. В них сильнее, чем в мужчинах, присутствует разделение на две половины: темную и светлую. В их маленьких душах ангелы и бесы иногда играют вместе, на одной и той же лужайке. Они их пытаются, видишь ли, совместить. Она одновременно – не хочет нас, и хочет. Да, так хочет, что готова умереть от страсти.

– Да уж. Я всегда говорил, что Глафира Сергеевна в душе – то ангел, то Вавилонская блудница.

Натянув поводок, Владимир заставил её склониться перед деревянными ступенями тисков. Она пыталась не опускать голову и не сгибать шею. Но натяжение поводка оказалось сильнее. Взмахнув руками, она вынуждена была подчиниться. Он позволил ей мягко опуститься на колени.

– Так, девочка моя. Так... А теперь еще ниже. Наклонись, я закреплю твою шейку в этом отверстии. Я все сделаю аккуратно, если ты не станешь брыкаться. Так, а теперь ручки – тоже в эти дырочки, – приговаривал он. – И не надо сжимать кулачки. Расслабь ладошки. Расслабь, я сказал.

Ей ничего не оставалось, как подчиниться этим настырным увещаниям своего ненаглядного Владимира. Пока он готовил «экспозицию» с беззащитной Глафирой, выставляя ее в самой похотливой и развратной позе, обнаженный демон сидел напротив, посередине комнаты в бархатном кресле и, закинув ногу на ногу, курил дорогую регалию⁵. Время от времени он шурился от дыма и сплевывал крупинки табака.

– Отлично сморится. Какая попка выпуклая. Чудо, а не попка. Ты прав, Владимир Иванович, ее даже жалко плеткой-то охаживать. Такие белоснежные ягодицы должны были позировать самому великому Бернини. Он бы с удовольствием их изваял в мраморе.

– Да, я тихонечко. Только для разогрева.

– А ножки раздвинь шире. И привяжи их за щиколотки. И нижнюю ступеньку подними. Я хочу, чтобы ее талия прогнулась как можно сильнее. И да, заколи ей шпилькой волосы на затылке. Я хочу видеть ее плечи и шею.

Владимир исполнял все пожелания демона.

А дальше она почти отстраненно слышала потоки мужских комплиментов в ее адрес. Владимир разыскал в шкафу одну из самых мягких плетей и, размахнувшись, ударил ее по ягодицам. Она вскрикнула от боли и крепко сжала пальцы рук и ног. Удары посыпались на нее градом. Но тут, же вместо обжигающей боли, она ощутила, как невидимый горячий поток ворвался в ее естество, распаяя все желания сильнее прежнего. Диковинная плетка не так сильно била, сколько согревала ее нежную кожу. Это были сильные и необыкновенные ощу-

⁵ Регалия – сорт дорогих сигар. От латинского *regalis*, что в переводе означает – *царский*.

щения. Совсем новые для нее. Хотя, она лгала. Она помнила их. Помнила из прежней жизни. И теперь, вспоминая, она откровенно наслаждалась ими, выгибаясь для новых ударов. Вся ее промежность увлажнилась еще сильнее. Припухли нежные дольки выпуклой раковины, выдвигая вперед плотный бугорок, налитой кровью плоти. Она чувствовала, что вот-вот получит новый оргазм, оргазм чудовищной силы. Только от одних ударов мягкой плетки.

– Еще, так... – стонала она. – Пожалуйста. Сильнее!

Она пыталась раздвинуть зафиксированные веревками ноги.

«Еще один конец плетки, – лихорадочно мечтала она. – Посередине. Еще. Прошу. Сильнее».

Владимир клал свои удары мягче, чем мог. Он словно бы ласкал ее промежность плеткой. Порою он лишь слегка водил по бутону тонкими полосками кожи. С легкой и плавной оттяжкой. Через несколько мгновений вся плоть стала мокрой от скользкого секрета.

– Да!!! – крикнула она, испытав ужасной силы наслаждение.

Владимир ударил еще несколько раз. Эти удары казались ей горячим прибоем, хлынувшим световым потоком в середину ее естества. Кричала она долго, сжимая в неистовстве темный тоннель распаханной и вывернутой наружу плоти.

– Ах, как она хороша! – пробормотал Виктор. – Её огненная вульва сейчас похожа на японскую красную орхидею. А из сочного чрева струится чистый сок, похожий на Аравийский ладан. Прозрачный и скользкий... Это так красиво, что хоть картину с неё пиши.

– Да уж, – согласился Владимир.

– Что ж, я готов войти в неё и примять эту диковинную, трепещущую от вожделения орхидею. Смять ее заново всем своим напором. Я буду «долбить» тебя, Глашенька, ровно до тех пор, пока ты из этого сна не перенесешься совсем в иное измерение. В котором живет одно лишь НАСЛАЖДЕНИЕ. Когда ты увидишь вокруг себя синий и яркий свет, это будет означать, что ты улетила на время в новый слой непроявленного мира. Он похож на Нирвану. За тем лишь исключением, что всё пространство в нём кричит ТВОИМ криком и твоим именем. В нём нельзя находиться слишком долго. Оно растворяет до забвения любое естество. Но ты не бойся, ты пробудешь в нем недолго. Я знаю, что ты готова улететь в него лишь на мгновение. Ощути его прелесть. Это дано не каждому смертному – попасть в горнило одного из огненных миров.

Пока демон пристраивался возле её выпуклых ягодиц, Владимир обошел Глафиру спереди и, приподняв подбородок, отер кружевным платком её чистые и горячие слезы.

– А теперь открой рот, моя нежная перы, – жарко прошептал он ей в самое ухо...

Глава 2

Проснулась она вечером. Из коридора доносились детский смех и голоса прислуги. Спать более не хотелось. В комнате было сильно натоплено. Глафира вспотела, влажные волосы прилипли ко лбу. Она откинула тяжелое одеяло и медленно села. А после опустила ноги на пол.

«Что это было? Синяя Нирвана... Господи, какой бред».

«Как тут душно. Хоть бы они открыли окна. Я же так угорю от жары, – с раздражением подумала она. – Не хочу я больше пить их микстуры. Надоело всё время спать».

Глаша накинула халат и подошла к темному окну. За стеклом всё так же сияла величавая и чистая луна. Снежная поляна искрилась от её яркого света.

– Господи, как хорошо-то! – вдруг подумала Глафира. – Ну, забери меня вновь, как тогда. Я побегу за тобой даже босая по стылому снегу, – горячо зашептала она. – Отчего ты вернул меня в этот мир? Я же в нём сойду с ума от скуки. Что ты сделал со мною? Наверное, за тем ужином ты дал мне вкусить какого-то яду, отчего моя душа теперь стала иною. Хотя, дело вовсе не в ужине. Это ведь случилось давно. В этой же бане, при жизни Володи. Или на лесной тропинке, в карете. Именно тогда ты и дал мне испить той отравы, которая изменила всё мое естество, превратив меня в распутницу и ведьму. В Вавилонскую блудницу. Да, этот яд проник в кровь и плоть, изменив навеки мою участь.

И ты, и Володя – вы оба... сводили меня с ума. Я не гожусь для спокойной жизни. Нет. Я переродилась для порока. И, вкусив его сладость, я не могу более жить в тишине и благодати, словно монашка. Зачем я всем лгу? Бедный Сережа. Я не достойна его. Зачем я согласилась выйти за него замуж? Мне же тошно от его доброты. Потому что я иная. Володя правду тогда сказал обо мне, что я из тех, кто истово кается, а сама задирает подол юбки. Я блудница. Я грешница. И жизнь с таким человеком, как Сережа, для меня невыносима. Мне СКУЧНО с ним!

Она стояла и смотрела на луну, заливающую зимний сад каким-то тревожным и диким светом. Луна всегда сводила ее с ума... Она шептала и шептала слова собственного покаяния, размазывая пальцами горячие слезы.

– Мне тошно жить с этим святым человеком. Он скучен даже в близости. Когда я сплю с ним, то представляю совсем иное. Я представляю себе те сцены, о которых никогда и никому не расскажу даже на исповеди. Ибо любой священник признает меня тут же грешницей. Да, я порочна, – с вызовом произносила она. – Да, я отравлена. И это навсегда! И ничего уже невозможно изменить. А раз так, то забери меня отсюда! – шептала она, глядя в звездное небо.

В эти минуты она вспомнила ВСЁ. Сон, в котором был её полет с демоном. Она вспомнила и о том, как выглядит земля сверху, ее снежные поля и скованные льдом реки, её огнистые города и спящие под белым спудом села. Она вспомнила и о том восторге, который испытывала ее душа рядом с демоном. О том трепете, который вызывал каждый его взгляд.

– Неужели же этот, самый прекрасный и сильный человек в мире, мог держать меня за руку?

А дальше пошли воспоминания о своем недавнем сне. О тисках, плетке и поводке в банной горнице. Воспоминания обожгли ее душу приступом мучительного стыда. Но при всем этом по телу разлилась такая невыносимая сладость, что, не выдержав ее, Глафира стиснула зубы и, запрокинув голову, застонала от жгучего вожделения. Рука невольно коснулась промежности – она была настолько мокрой, что влага измочила ночную сорочку.

– Вот, как надо любить и хотеть, – шептала она. – С мужем у меня ни разу не было такого...

Пальцы касались набухших от вожделения сосков.

– Он часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо... Он – часть Владимира. Его лучшая часть. В Володе я любила именно эту часть, – Глаша зло расхохоталась и тряхнула длинными волосами. – К чему лукавить? Ведь я так легко поддалась соблазну лишь по причине того, что изначально была порочна. А бордель? Вспомни, как ты в нем оказалась? Отчего ты не прибилась к артели каких –нибудь рабочих? Вновь не попробовала стать швейей? Не потому ли, что тебе нравилась та жизнь, в которой ты оказалась? Согласись, что жизнь дорогой куртизанки или содержанки богатого человека намного интереснее жизни швеи или прислуги. Разве не так? К чему? К чему все эти реверансы и игры в собственное целомудрие? Признайся, что ты не годишься в жены такому мужчине, как Мельников. А он, глупый, тешит себя мыслями о том, что совершил благородный поступок и спас тебя.

Она нервно заходила по комнате.

– Мне осточертело его слащавое благородство! Мне надоело чувствовать себя обязанной этому человеку. Я совершила ошибку, связав свою судьбу с ним! А дети? – она залилась слезами... – Я не должна была иметь детей! Самое обычное, что может случиться с любой женщиной – это рождение детей. Сколько умников и моралистов всюду твердят о предназначении женщины – рожать себе подобных. Плодиться... Но, боже, как же все это рутинно, долго и скучно. ТОСКЛИВО-то как!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.